

Андрей Добролюбский

Имя дрока*

Можно видеть, что ко времени своей кончины Людовику удалось оплести своей лилейно-дроковой апанажно-омажной паутиной сюзеренов обширнейших территорий. Это и обеспечивало ему ведущую роль в крестовых походах. И неудивительно, что когда, отправившись в Седьмой крестовый поход, Людовик «возложил на себя крест», то этот *крест* был, по сути своей, *цветочным*. К нему присоединились братья Роберт д'Артуа, Альфонс де Пуатье и Карл Анжуйский со своими рыцарями. К 1248 г. было сформировано 15-тысячное войско, включавшее 3000 рыцарей и 5000 арбалетчиков на 36 судах. Для финансирования экспедиции было привлечено примерно 1,5 млн лиров, что делало поход очень дорогостоящим предприятием. Тем более, многие рыцари, которые присоединились к походу, финансировались (в долг, разумеется) из королевской казны.

И в Восьмом крестовом походе 1270 г. также участвовали все его братья, сыновья и «толстый и добрый» (выражение Данте) зять Тибо Наваррский. К походу собирались присоединиться король Арагона и сын Генриха III Эдуард. Все они были близкими родственниками и «рыцарями короны» Людовика Святого. Свиты же этих венценосных родственников состояли преимущественно из служилых рыцарей-министралов, которые также могли заслужить членство в ордене и по воле сюзерена получить право носить соответствующие бэджи – «цветочные кресты» с девизом «*Exaltat humilis*».

* Продолжение. Начало в кн. 74

Так Людовик с помощью апанажа, а также дрока с лилиями, оплел цветочной паутиной всех своих венценосных родственников. И усиливал тем самым свои прерогативы. Орден должен был работать на короля. И он исправно работал – Людовик неизменно пользуется своим правом постоя (правом на жительство у своих вассалов), скрупулезно требует помощи (повинности), которую они должны были оказать ему в связи с посвящением в рыцари его сыновей, заставляет полностью оплачивать права на обращение товаров – дорожные и мостовые пошлины.*

На эту вроде бы не слишком заметную паутину была наброшена и вуаль рыцарской куртуазности.

«Exaltat humilis»

Известно, что рыцарство, возникнув и сословно оформившись в крестовых походах, вырабатывает и собственную идеологию. Ее суть – кодекс рыцарского благородства – куртуазность (фр. *cour* – двор) и идея братства, восходящая, разумеется, к легендам о короле Артуре. Свои подвиги герой-рыцарь совершал во имя собственной славы, любви и религиозно-нравственного совершенства.

Возникшая куртуазная литература отразила психологию служилого рыцарства, сосредоточенного при дворах крупных владетелей-сеньоров. Такую литературу настолько любил Генрих II Плантагенет, что в 1175 году он даже повелел Бенуа де Сент-Мору закончить хронику герцогов Нормандских, потому что упивался его «Романом о Трое»

В затейливой путанице куртуазной системы ценностей это определялось тем, что Бог и Дева Мария – единственно возможный источник любви (*Fin'Amors* – «тонкая», «совершенная» любовь, порождаемая Богом. – А. Д.). Лишь такая любовь позволяет совершить подвиг-авантюру (*l'aventure, diu aventiure*), для возвышения чести (*onor, ere*) самого рыцаря и, следовательно, – чести его Дамы, прекрасной и непреклонной госпожи, и своего Сеньора. А через них – Девы Марии и самого Бога. В таком случае идея

* Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. – М.: Ладомир, 2001., с. 499.

спасти Святую землю от неверных в крестовых походах и *возвыситься*, несомненно, угодна и Деве Марии, и Богу.

Надо думать, что «возносящий смиренных» девиз был как нельзя кстати служилому «смиренному» рыцарству. Он был оптимистичен, амбициозен и наилучшим образом соответствовал «куртуазной» ментальности эпохи – все «значимые» поступки рыцарей определялись идеей личной доблести, ощущением своей силы, волей к победе над злом и, разумеется, мечтой о счастье. Девиз обнадеживал тех, кто считал себя обиженным, обойденным или обделенным, – а таких всегда много, и давал веру в возвышение и триумф после множества унижений. Иными словами, этот «мотив Золушки» (выражение Марии Оссовской)**, отраженный в девизе «*Exaltat humilis*», начертанном на цветочном кресте, дает возможность его владельцу сделать любую карьеру. Девиз таким образом был особенно притягателен для худородных, нетитулованных министриалов (лат. *ministeriales*, от лат. *ministerium* – *служба, должность*), которые мечтали возвыситься, – мелких рыцарей, владеющих небольшими ленами и обязанных военной службой монарху, принцу либо иному знатному сеньору. Рыцарское достоинство становится отличительным знаком класса, отдельным от понятия «держания»: оно не передавалось по наследству, а присваивалось сюзереном.

Прослойка министриалов возникла в процессе освобождения и расширения привилегий нетитулованных служилых людей. Из оброчного населения можно было выбиться в министриалы, получив должность при дворе сеньора, нести службу легковооруженного всадника, а затем, заслужив соответствующий бенефиций (от лат. *beneficium* – *благоденствие*), перейти в тяжелую конницу и стать рыцарем. Таким путем из среды несвободных выделился привилегированный класс дворовых слуг (*vassi, servi ministeriales, pueri*) при богатых сеньорах.

Министриалы могли нести как военную, так и придворную, административную и хозяйственную службу. Их статус был выше, чем у горожан и свободного сельского населения, но ниже свободных рыцарей. Они не могли бросить службу по желанию.

** Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. Гл. 5, 6.

В XII-XIV вв. они были фактически отдельным сословием, обладали личной свободой и могли быть одной из опор центральной власти вне королевского домена. Удачливые министриалы монарха, принцев сами могли стать крупными сеньорами. Примеры тому имеются. Таким «смирненно возвысившимся» счастливым стал министриал Вернер фон Боллэнд – он ухитрился стать вассалом 43 различных сюзеренов, от которых получил в общей сложности более 500 ленов, в том числе 15 графств. Сам он имел более 100 ленников и стал крупнейшим земельным магнатом. Не менее впечатляющую карьеру сделал Герман фон Зальца, ставший в 30-летнем возрасте Великим магистром Тевтонского ордена (1209-1239 гг.) и управлявший им до конца своих дней.

Сам Людовик Святой как король-рыцарь и как глава ордена, возносящего смиренных, очень любил совершать яркие «смирненные» поступки: руками лечить золотушных, омывать ноги нищим странникам, но более всего – прислуживать за столом бедным.

Так, «...каждую среду, пятницу и субботу во время Великого поста и адвента он лично прислуживал тринадцати беднякам, которых приглашал откусать в его покоях или в гардеробе, и прислуживал им [при еде], ставя перед ними питье и две пары тарелок с рыбой и прочим. И он сам разрезал два хлеба, [куски] которых он клал перед каждым, а слуги королевского покоя разрезали другие хлеба, чтобы каждому из бедных положить сколько надо. А еще блаженный король, как правило, ставил перед собой три миски с супом, в который он собственноручно обмакивал куски хлеба, лежавшие перед ним, и... ставил их перед упомянутыми бедняками...

И он звал для этого самых убогих, каких только можно было сыскать, и с удовольствием прислуживал им, причем гораздо чаще именно таким [беднякам]. Все... получали по 12 парижских денье – милостыню от святого короля. Людовик брал пищу руками из той же миски, что и бедняки, и, в частности, прокаженные. Он готовил питье и, встав на колени, поил им прокаженного, у которого из ноздрей текли кровь и гной и попадали на руки короля...»*.

* Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 434-486.

Впрочем, Людовик любил совершать и «возвышающие», рыцарские деяния, самым впечатляющим из которых был его последний, Восьмой крестовый поход. В нем королю суждено было умереть. И он – человек-путник (лат. – *homo viator*) – умер, по иронии судьбы, от «дизентерии, малярии и тифа» во имя исполнения куртуазных идеалов, «возвышающих смиренных». Его смерть отдала судьбу ордена Дрока в разные руки.

Короли на «ярмарке тщеславия»

Вряд ли здесь место излагать хорошо известные сведения о Восьмом крестовом походе в Тунис. Для наших целей они не столь уж важны. А куда более существенна смерть Людовика Святого, скончавшегося вслед за своим сыном Жаном Тристаном, 25 августа 1270 г. Точнее, перипетии с его останками, или своеобразная «битва над трупом Патрокла».

Поскольку король Людовик IX умер в земле неверных, о том, чтобы оставить его прах на чужбине, за пределами христианского мира, вдали от Французского королевства, не могло быть и речи.

В истории французской монархии подобное уже однажды происходило – суверен умер вдали от королевского некрополя, и его не могли или не захотели похоронить рядом с местом кончины, и надо было сохранить его тело. Так случилось в IX в. с Карлом Лысым. Техника бальзамирования была неизвестна. Тогда тело Карла решили варить в разбавленном водой вине до тех пор, пока мясо не отойдет от костей.

Вот и сейчас «камердинеры и все слуги (*ministres*), и те, кому это было поручено, – свидетельствует исповедник Людовика Жоффруа де Болье, – взяли тело короля и разрезали (*department*) его член за членом, и долго варили в воде с вином, пока вываренные добела кости не отделились от плоти, и их можно было безо всякого труда извлечь»**.

Карл Анжуйский, тогда уже король Сицилии, прибыв вскоре после кончины брата со своим флотом и войском (вероятно, легендарная традиция требовала, чтобы он ступил на берег

** Там же, с. 234-235.

Людовик Святой в Седьмом крестовом походе

в момент смерти короля), предпринял попытку отобрать пост главнокомандующего у своего молодого племянника Филиппа III. И, как будто, даже саму французскую корону. Но Филипп, следуя рекомендациям советников отца в Тунисе, немедленно взял власть в свои руки. Прах его отца еще не скоро похоронят в Сен-Дени, а до его собственной коронации в Реймсе пройдет не один месяц. Поэтому 27 августа по повелению Филиппа окружающие его бароны и военачальники принесли ему клятву верности. 12 сентября он направил двоих гонцов в Париж с подтверждением данных Людовиком IX ему полномочий. Тогда же он отправил им завещание покойного короля и повелел и впредь пользоваться оставленной им печатью, при условии, что имя отца на ней будет заменено именем сына. И начал датировать документы периода своего правления со дня смерти отца – 25 августа 1270 года.

Останки Людовика сразу же стали объектом размолвки дяди и племянника – «Клюва орлиного» и «Курносого сына». Их обоих Данте Алигьери поместил в «Долину государей», у врат чисти-

лица, – они, по его мнению, «не радели о спасении души своей»*. А думали лишь о своих амбициях. Ведь уже многим было ясно, что Людовик IX имеет все шансы стать официальным святым. Тогда его мощи для владеющей ими Анжуйской династии Сицилии становятся обильнейшим источником влияния, огромного авторитета и превосходства Анжуйского дома.

Карл предложил останки брата предать земле в Сицилийском королевстве – это, мол, недалеко, и Анжуйский дом прекрасно сумеет о них позаботиться. Но Филипп требовал, чтобы останки отца как можно скорее были возвращены во Францию. В конце концов, как свидетельствуют хронисты, оба короля, дядя и племянник, пришли к компромиссу: внутренности и плоть получит Карл Анжуйский, а кости будут отправлены в королевский некрополь в Сен-Дени. Молодой французский король, таким образом, получил самое главное – кости (а они-то и могли стать мощами), твердую часть тела, символизирующую власть. Поскольку мягкая плоть, внутренности и, главное, сердце, символизируют душу. Такова диалектика власти – соотношение твердого и мягкого.

Поэтому вопрос о сердце Людовика – вместилище его души – дебатировался особо. Но после не слишком продолжительного и вялого сопротивления Филипп, по свидетельству Жоффруа де Болье, как будто дал согласие, чтобы дядя перевез его вместе со всеми внутренностями в аббатство Монреаль (близ Палермо, на Сицилии). Видимо, ему оно было ни к чему – ему нужна была власть. И кости.

Зато Карлу это было даже очень кстати – он как владелец сердца и внутренностей Людовика обрел полное право считаться «душеприказчиком» короля в религиозно-нравственном смысле и его духовным наследником. Таким образом, он становился главой, или Магистром ордена Дрока. А Филипп на это вроде бы и не претендовал. Каждый получил свое.

Можно видеть, что после смерти Людовика и разделения его тела образовались два династических «мемориальных источника», обеспечивающие сохранение памяти Людовика Святого. Прежде всего, это сама королевская семья, которая инициировала канонизацию. Со своей стороны, орден Дрока, символизировавший его душу,

* Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песнь седьмая. – М.: Худ. лит-ра, 1974.

оказался на попечении Анжуйской династии, для которой дрок стал родным геральдическим цветком со времен Жоффрау Красивого.

Канонизация, которая обеспечила бы имени Людовика непреходящую и ни с чем не сравнимую престижность, зависела, разумеется, от Римской курии, или так называемой «фабрики святых» (выражение Жака Ле Гоффа), у которой поначалу святость Людовика как будто особых сомнений не вызывала. Так, уже в марте 1271 г. папа Григорий X писал: «Воспоминание о блестящих заслугах знаменитого короля Франции, Людовика, чья жизнь должна служить образцом для всех христианских государей, переполняет нас таким утешением ныне, когда он пребывает в небесных чертогах, что мы больше восхищаемся и поражаемся им, нежели при его жизни».

Но другие папы оказались куда более равнодушны. Поэтому канонизация Людовика, инициированная в 1273 г. его сыном и наследником Филиппом III Смелым, затянулась на 27 лет. Возможно, из-за частых смен понтификов. За годы этой волокиты было исписано столько бумаги, что, как выразился кардинал Бенедетто Гаэтани (будущий Бонифаций VIII), «ее не под силу было снести и ослу».

Но это было необходимо для сбора доказательств святости. Самыми надежными были сочтены показания тридцати восьми свидетелей о чудесах при жизни Людовика, 330 очевидцев свидетельствовали о 65 чудесах, которые его мощи в аббатстве Сен-Дени и в Париже сотворили после смерти. Равным образом немало чудес сотворили внутренности, хранящиеся на Сицилии. Правда, церковь признала только два из них. Приняла она и три других, явленных при перевозке гроба в Северной Италии, в Парме и у ворот Парижа. Но более всего чудес было явлено в королевской усыпальнице Сен-Дени. А поскольку чудеса могут совершаться на могиле только святого, то это полностью доказывало святость Людовика.*

Были записаны показания сотен опрошенных, в том числе и самих Филиппа III и Карла Анжуйского. Все это время исключительная престижность Людовика во «всем христианском мире» неуклонно нарастала, равно как и престижность ордена Дрока. Обширное досье о чудесах, происходивших на захоронениях костей короля и его плоти, убедило Римскую курию. Наконец в воскресенье, 11 августа 1297 г., в Орвьенто кардинал Гаэтани,

* Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 236.

ставший папой под именем Бонифация VIII, буллой «Gloria laus» (с лат.: «Славе хвала») вписал Людовика IX в каталог святых. При этом он был крайне недоволен тем, что Людовика сварили и расчленили. И два года спустя в булле «Detestandae feritatis» (с лат.: «Ужасное изуверство») он запретил впредь такие действия, назвав их варварскими, кощунственными и чудовищными.

С этого времени культ Людовика Святого активно поддерживался в королевском доме. В обычае у королевей-наследников стало поститься накануне годовщины его смерти 25 августа. Уже его внук Филипп IV Красивый – «сын беззаконий Франции» (выражение Данте Алигьери) – 25 августа 1298 г. велел перенести мощи в частную королевскую часовню Сен-Шапель. Монахам Сен-Дени остались лишь плечевая и берцовая кости, подбородок, зубы и нижняя челюсть. Затем, в 1299 г., доминиканцы Эвре впервые посвятили свою церковь Людовику Святому, была основана его капелла при соборе Парижской Богоматери. Епископ Турне также основал капеллу Людовика Святого в своем соборе.

17 марта 1306 г., во вторник после Вознесения, голова Людовика Святого и часть святых останков были перенесены в Париж. Филипп IV поместил их рядом с Богоматерью, а череп определил в Сен-Шапель. Это перенесение стали традиционно праздновать по вторникам после Вознесения: в этот день августинцы служили мессу в Сен-Шапель, а начиная с 1309 г. по приказу короля шестьдесят доминиканцев и шестьдесят францисканцев приходили туда праздновать День Людовика Святого.

Принято считать, что святой король был очень красивым человеком. Но его надгробная маска сделана не была, и никто уже толком не знал, как он выглядел. Было решено его живописать и ваять с лицом внука – Филиппа Красивого, который, как говорили, был внешне очень похож на деда. Эта традиция просуществовала вплоть до Людовика XIV.**

Можно сказать, что к началу XIV в. культ Людовика Святого и связанные с этим авторитет и престижность его имени и мощей достигают апогея. Такая престижность распространялась, разумеется, на внутренности и сердце, которые покоились в мраморной урне в аббатстве Монреаль близ Палермо на Сицилии. Там

** Гарро А. Людовик Святой и его королевство. – СПб.: Евразия, 2002, гл. 9.

Людовик Святой в Восьмом крестовом походе

они и пребывали до 1860 г, когда их забрал с собою в изгнание последний сицилийский король из династии Бурбонов Франциск II, бежавший от «Тысячи» Гарибальди. Но эта история далеко уходит за пределы нашего сюжета. Поэтому здесь лишь стоит отметить, что после смерти Людовика, с 1270 г, орден Дрока оказался в распоряжении его неаполитанско-сицилийских «душеприказчиков» – королей Анжуйской династии: Карла I, его сына Карла II Хромого и его внука Роберта Мудрого (Доброго). В связи с этим стоит также отметить, что в том же 1270 г. где-то в Валенсии или Каталонии на свет появился «главный герой» нашего повествования, художественный персонаж Бернар де Рокофорт (1270-1308 гг.).

Продолжение следует